

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЛАНДШАФТЫ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В РОССИИ: ОПЫТ КОМПЛЕКСНОГО АНАЛИЗА

ВВЕДЕНИЕ

Территориальные масштабы России являются тем условием, которое обязательно следует учитывать при подготовке планов, концепций социально-экономического развития. География создала уникальные предпосылки для социально-экономического развития России. Построить «социализм в отдельно взятой стране» не было бы возможно, если бы эта страна не обладала огромной и разнообразной территорией, где представлены почти все природные условия и почти все мыслимые ресурсы. При этом, как отмечает В.Л. Каганский, главная особенность советского пространства — универсальность властно-силовых отношений, пронизанность ими всех хозяйственных, этнических, социальных, расселенческих и т.п. структур. Существует общество — государство и его пространственные (территориальные) структуры; любые другие (автономные) структуры отсутствуют. Внутренне разнородная и противоречивая, структура советского пространства — СССР — едина и единственна. Вся реальная пространственная дифференциация, в т. ч. и размещение природного ландшафта, производна от СССР, связана с ним и им ассимилирована. Поведение и/или размещение в пространстве возможно только путем приспособления к советскому пространству, даже если это относится к антагонистическим по отношению к СССР элементам. Сейчас, во время довольно бурной пространственной событийности, происходит реализация уже существовавших противоречий, проблем и конфликтов, «распаковка проблемного багажа» — но почти нет даже намеков на становление какой-либо новой и притом независимой структуры. Выделяющиеся же компоненты уже существовали в рамках целого советского пространства. *(Каганский В.Л. К феноменологии урбанизированных ландшафтных сред // Городская среда: проблемы существования. М., ВНИИТАГ, 1990.)* Однако указанный феномен не был в должной мере исследован, использован, учтен в практике территориального развития. **Сегодня ясно что, универсальность властно-силового детерминирования пространства, иерархичность хозяйственных, этнических, социальных, расселенческих и т.п. структур ушла в прошлое. Более того, отказавшись от советской модели**

территориального управления, российская власть не создала новой модели. Территориальное начало во всей системе регулирования общественного развития сегодня явно недооценено. Налицо парадокс: огромная страна с отчетливо выраженной дифференциацией природных, экономических, национальных и культурно-исторических условий в своем развитии не может и пока не умеет использовать это огромное пространство, сделать его специфическим фактором успешного развития. При этом управление осуществляется по единому шаблону, во многом без учета специфики местных условий, региональных интересов. К тому же заметим, что научной разработкой территориальных проблем занимаются главным образом специалисты по социально-экономической географии без помощи и участия других обществоведов и как правило, без специалистов в области физической географии. Сам процесс общественного развития в силу этого не получает адекватного истолкования. Соответственно и научное обоснование стратегии развития (как и оперативного управления) не содержит в себе необходимой степени конкретности, отражающей всю сложность реальных условий жизнедеятельности общества. Разумеется, теоретическая разработка проблемы роли территории в развитии общества специальная и сложная задача. Не претендуя на ее решение, мы считаем необходимым сформулировать лишь некоторые положения, имеющие принципиальный характер и выступающие отправной точкой для анализа проблем территориального развития общества на современном этапе. К числу проблем, носящих такой принципиально важный характер, относится и проблема региональной идентичности в экономическом развитии России. Проблема регионально-го самосознания и региональной идентичности имеет важное значение для определения перспектив развития современной государственности в России, а также для формирования новой области научно-исследовательского знания – экономического ландшафтоведения. **В отличие от традиционного физико-географического подхода в центре внимания лежит не ландшафт сам по себе как природное явление, а мера адекватности характера его хозяйственного освоения исходным природным предпосылкам ландшафта. В качестве гипотезы предполагается рассмотреть тезис о том, что успешное хозяйственное развитие России возможно при адаптации ряда видов хозяйственной деятельности к базовым характеристикам ландшафта.**

Решение задачи рассмотрения ландшафтов как системы локализованных в пространстве и времени природных, производственных и социальных компонентов адаптированных этническими общностями требует междисциплинарного подхода. Сама по себе проблема изучения степени совпадения природных и этнических границ с границами хозяйственных субъектов предполагает широкий круг знаний и умений: от физической географии до политического регионоведения. Наиболее общее определение места территории в развитии об-

щества очевидно — территория выступает предпосылкой и условием этого развития. Но дело здесь не в территории как таковой, а в ее, во-первых, «историчности» и, во-вторых, в дифференциации, в различиях «от места к месту». «Историчность» территории как условие развития общества состоит в том, что со временем территория подвергается возрастающему антропогенному воздействию, в процессе которого изначальная ее природность замещается тем или иным соотношением природных и социальных (исторически возникших), неприродных форм. **Территория — предпосылка формирования специфических форм обитания и жизнедеятельности, но само формирование этой среды всегда выступает как результат взаимодействия территории и целеполагающей деятельности населения.** Общественное развитие в конечном итоге — развертывание отношения в системе «общество-природа» и «общество- человек». Иными словами, общественное развитие имеет специфический, территориальный аспект, который в наиболее общем виде определяется как процесс соединения деятельности, т. е. жизнедеятельности целеполагающего субъекта с территорией ее развертывания. Общий исходный пункт территориального (как и всех иных) аспекта общественного развития лежит в основе антропосоциогенеза. История — деятельность преследующего свои цели человека изменяющего в процессе этой деятельности вмещающий ландшафт. «Человек — пленник своего времени, климата, растительного и животного мира, культуры, равновесия между ним и средой создаваемого в течении столетий, равновесия, которого он не может нарушить, не рискуя многое потерять». (Бродель Ф. *История и общественные науки. Историческая деятельность.*//Философия и методология истории. М.1977 с. 124) Представляется очень важным упоминание Ф. Броделем в этом списке культуры. Вероятно, именно в этом направлении потери качества ландшафта оказались наиболее существенными. Однако советский человек «рискует» и начинает деятельность по воспроизводству природных, и социальных условий жизнедеятельности, в основе которой лежит преобразование ландшафта в форму, более пригодную для проживания и хозяйственной деятельности человека. Ландшафтопользование развертывается в определенных территориальных пределах при наличии природных, экономических и социальных ограничений. Речь идет о той или иной степени благоприятности природных условий, уровне развития производительной силы общественного труда, характере общественных отношений, т. е. самом способе объединения людей в общество. Территориальная дифференциация природных условий исторически предопределяет неравномерность экономического развития. Именно природа в значительной мере диктует территориальную организацию производства в любых общественных формах. **Это означает, что территориальная организация общества должна интерпретироваться через выявление факторов несо-**

ответствия экономического, социального развития и ландшафтного состояния развития производительных сил и производственных отношений.

Общим же направлением эволюции территориальной организации общества выступает ее развитие от природно-экономической заданности среды жизнедеятельности человека к ее организации в соответствии со своими действительными интересами. Территориальная организация общества (ТОО) в своей специфической проекции отражает все важнейшие его сферы. На наш взгляд, она включает в себя размещение и территориальную организацию производства; расселение населения и организацию среды его обитания и жизнедеятельности; территориально-административное устройство в его органическом единстве с системой территориального управления; социально-территориальную структуру общества, само существование которой фиксирует наличие одного из срезов социальной дифференциации — социально-территориальные различия. Существенные черты этой стороны общества определяются характером общественных отношений: территориальная организация общества задается его социальной организацией. Однако из этого не вытекает «безразличие» территориальной организации, но отношению к развитию общества в целом, напротив, та или иная его территориальная организация может ускорять или замедлять экономическое или социальное развитие. Здесь важно иметь в виду, что между территориальной и социально-экономической организацией общества должно быть определенное соответствие: инерционность территориальной организации, вторичность ее, означают, что изменения в территориальном строении общественной системы требуют большого времени и огромных материальных затрат. Территориальная организация общества эволюционирует под воздействием, прежде всего производительных сил, развития техники, технологии, средств транспорта и связи. При этом особое значение имеет определение правильного соотношения между стихийными и целеположенными, а также между объективными и субъективными факторами ее эволюции. Это следует понимать так: та или иная территориальная организация общественных процессов возникает здесь как результат, прежде всего экономического развития, причем критерием эффективности последнего выступает максимизация прибыли. **В этом смысле современная ТОО в России стихийна, она уже не целеположена государством и стала побочным результатом хаотичных, рыночных трансформаций.** Сказанное не означает, что территориальная организация в этих условиях чисто субъективная категория. Она объективна, ибо та или иная система размещения производства и расселения, материализуя собой условия общественного производства и жизнедеятельности, территориально закрепляя их, выступает моментом объективной действительности и в этом смысле становится одной из детерминант социального поведения.

Среда жизнедеятельности человека формируется во всей системе ее территориальной организации не как попутный, а как сознательно достигаемый результат. Качественно меняется в этой связи и соотношение субъективного и объективного начал: объективные закономерности посредством их познания «пересаживаются» в общественное сознание и становятся одним из источников целеположенного воздействия на территориальное развитие. В этом смысле субъективное и объективное как бы меняются местами, и осознанное, субъективное становится главным целеполагающим фактором развития общества в его эволюции ТОО.

Деформационные явления в ТОО возникли как результат действия целого ряда факторов, локализовавшихся и в сфере экономики, и в области социально-политической жизни. Тип ТОО непосредственно связан с характером экономического развития, рассматриваемым с позиций соотношения его экстенсивных и интенсивных источников. Преимущественно экстенсивный путь развития экономики объективно неизбежен — переход к преимущественно интенсивному развитию предполагает определенную зрелость экономики. Необходимость осуществить в исторически короткие сроки, к тому же искусственно форсируемые, индустриализацию страны заставляла до определенного рубежа ориентироваться на количественные параметры роста. Эта необходимость заставляла полной мерой черпать трудовые ресурсы в деревне, почти не заботиться о возобновлении используемых в возрастающих масштабах природных ресурсов, безоглядно ориентироваться на преимущества концентрации и неограниченное развертывание агломерационных процессов.

Преимущественно экстенсивный путь экономического развития определенным образом воздействовал на структурную и функциональную организацию городов, сельских поселений, состояние среды обитания, т. е. на территориальную организацию общества. Исторически обусловленная, преимущественно экстенсивная экономика неизбежно рождала и наращивала черты экстенсивности в ландшафтопользовании. На каком-то этапе эти процессы неизбежно достигли пороговых значений, их дальнейший ход стал сопровождаться почти экспоненциальным нарастанием трудностей и проблем экономического, социального, экологического характера, которые представляли собой территориальное проявление потребности перехода на пути преимущественно интенсивного развития. Ландшафт при этом достаточно автономная единица, сохраняющая основные системные связи: (природа-общество-хозяйство). Следует выявить принадлежность ландшафтов по их внутренней морфологической структуре: этно-политические, этнические, экономические. Вероятно, возможна попытка районирования на основе анализа экономической дифференциации социокультурного пространства и степени адекватности этой дифференци-

ции природным предпосылкам. Ф. Бродель пишет: «Некоторые долговременные структуры становятся устойчивым элементом жизни целого ряда поколений. Иные структуры менее устойчивы. Но все они являются и опорой, и препятствием исторического движения. Так, определяя границы действия и опыта человека, они оказываются препятствиями». (Бродель Ф. *История и общественные науки. Историческая деятельность //Философия и методология истории. М.1977 с. 124*) Возникает вопрос? Относится ли сказанное к ландшафту, и если относится, то, какое новое качество приобретает ландшафт? Г.А. Исаченко указывает: «Ландшафт, попадая на карту, как бы застывал и выключался из истории — в особенности из той, что творилась на наших глазах и нашими же современниками. Вторая традиция, очень характерная для ландшафтоведения советского периода, — «неодушевленность» ландшафта. Это результат вполне обоснованного желания сделать предмет исследований более объективным, «удалив» из него человека и много рассуждая о ландшафтах «естественных», «первичных», «коренных» и т.п. За «бесчеловечность» отечественной физической географии досталось немало упреков — не всегда, впрочем, справедливых. Взаимосвязь этих двух традиций несомненна: коль скоро человек «изымается» из ландшафта — последний «застывает». (Исаченко Г.А. «*Окно в Европу*»: *история и ландшафты*» СПб 1998 с. 6) Возникает вопрос, о том, как происходит возвращение человека в ландшафт? Вероятно возможен следующий ответ — «Связь человека с ландшафтом осуществляется через этнос как верхнее замыкающее звено биоценоза.» (Иванов К.П. «*Эколого-географическое исследование сельской местности нечерноземной зоны РСФСР*»//*География и хозяйство. Л. 1987 с.82.*) С другой стороны, этническое разнообразие в России и на Северо-Западе не настолько велико, что бы определять качество связей человека и ландшафта через этнический фактор. Вероятно, лишь бальная оценка и комплексное районирование могут дать ответ на поставленный выше вопрос. К примеру: данный тип природопользования следует признать оптимальным т. к.:

1. Условия для воспроизводства населения сохраняются.
2. Адекватный природной среде тип хозяйственной деятельности найден.
3. Роль государства в поддержании гомеостазиса системы минимальна.
4. Тип хозяйственной деятельности рентабелен в конкретных социально-экономических условиях.

Итак предпосылкой данного анализа является предполагаемая существенная трансформация территориальной организации российского общества. По нашему мнению ресурсы сохранения территориальной организации «советского типа» ИСЧЕРПАНЫ. Две группы факторов неизбежно перекоммутируют российское экономическое пространство:

- Внешние;
- Внутренние.
-

ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ

1. Одной из характеристик современного периода общественного развития является постмодернисты предпочитают не замечать того ренессанса национальных идей, который имеет место в мире. Здравко Млынар, к примеру, полагает, что формы территориальной идентификации оказались сильнее, чем все известные варианты транснациональных или национальных общностей. «В демократических или авторитарных странах, на Западе и в третьем мире, международные движения сегодня испытывают болезненный возврат к локальным формам за счет потери значительной части своей аудитории. Все универсальные братства, будь то коммунизм, исламизм или христианство, доказали свою неспособность ослабить привязанность человека к своему кусочку земли, который выступает в качестве необычайно эффективного символа» (*Global Modernities. Edited by Mike Featherstone, Scott Lash and Ronald Robertson. SAGE Publication, 1995. P. 28—33.*) Однако более корректной представляется версия сформулированная американским исследователем Г. Готтлибом. Подчеркивая территориальный аспект глобализации он указывает, что альтернативой нынешнему положению является «мир, в котором не существует высшей власти территориального характера или тот, где нет четких территориальных границ» (*Gidon Gotlieb. Nation Against State. A New Approach to Ethnic Conflicts and the Decline of Sovereignty. Council on Foreign Relations Press, New York, 1993.*) Именно в этом одна из причин нарастающего стремления к региональной идентификации в развитых странах и прежде всего в Европе. Механизм региональной идентификации в России иной.

2. Главным моментом является экономическая глобализация. Глобализация неизбежно ведет к модернизации экономики и отсечению неэффективных отраслей, причем это можно рассматривать как естественный результат глобализации. Глобализация мировой экономики наряду с дополнительными возможностями порождает и новые опасности, особенно для экономически ослабленных государств, усиливает вероятность крупномасштабных финансово-экономических кризисов. Растет и риск нарастания зависимости экономической системы Российской Федерации от воздействия извне. В интересах России — полноформатное и равноправное участие в разработке основных принципов функционирования мировой финансово-экономической системы в современных условиях. Вступление в ВТО неизбежно усилит конкурентные преимущества одних регионов и подорвет возмож-

ности других. В качестве ближайшего последствия глобализации следует предположить углубление сырьевой специализации России. Последнее не следует воспринимать как исключительно отрицательный момент. На уровне субъекта федерации практически каждый регион России имеет экспортные возможности – стратегический ресурс переходного периода к новой территориальной организации российской экономики. Использование сырьевой ренты в этих условиях станет неизбежным. По данным ученых Института экономики РАН, наличные и потенциальные энергоресурсы не учитываются в объеме национального богатства страны. Поэтому Россия, занимая седьмое место в мире по численности населения, первое — по добыче газа, третье — по добыче нефти, четвертое — по выработке электроэнергии, пятое — по производству стали, удобрений и хлопчатобумажных тканей, седьмое — по производству целлюлозы, зерна и животного масла и даже одиннадцатое — по выпуску автомобилей, оказывается во втором десятке стран по объему ВВП. (*Абалкин Л.И. Смена тысячелетий и социальные альтернативы // Вопросы экономики № 12 2000 с. 37*) Строго говоря, и статистика ООН не расходится с приведенными оценками. Профессор Дипломатической академии МИД РФ В. Сироткин ссылаясь на данные ООН указывает, что в бывшем СССР только разведанных полезных ископаемых (нефть, газ, уголь, золото, алмазы, медь и другие) находилось на 30 трлн. долл. — больше, чем в любой другой стране мира (для сравнения: в США — на 10 трлн долл., в Китае — на 5 трлн, в ЕС — на 0,5 трлн.). (*В. Сироткин Зарубежные «клондайки» России: кто и когда их освоит? Евро №5 2000 с.33*) Очевидно, что обладая подобными сырьевыми ресурсами можно надеяться на успех участия в мировой экономике. Сказанное не отрицает высказанного ранее нами тезиса о том, что общим направлением эволюции территориальной организации общества выступает ее развитие от природно-экономической заданности среды жизнедеятельности человека к ее организации в соответствии со своими действительными интересами. Дело лишь в том, что лаг экономических возможностей делает это «общее направление» вопросом перспективы.

Сегодня именно территориальная дифференциация природных условий исторически предопределяет неравномерность экономического развития. Именно природа в России в значительной мере диктует территориальную организацию производства в любых общественных формах. **Это означает, что территориальная организация общества должна интерпретироваться через выявление факторов несоответствия экономического, социального развития и ландшафтного состояния развития производительных сил. Способом измерения этого несоответствия является региональный эколого-культурный (эколого-экономический) мониторинг.**

3. Распад СССР, а также новая геополитическая ситуация в мире существенным образом отразилась на территориальной структуре российского общества. Общая протяженность государственной границы Российской Федерации составляет 60 932,8 км и распределяется следующим образом: сухопутная — 14 509,8 км; морская — 38 807,5 км; речная — 7141,0 км; озерная — 475,0 км. Площадь исключительной экономической зоны РФ составляет 8,456 миллионов кв. км. Общая площадь Российской Федерации составляет более 17 миллионов квадратных километров, а протяженность с запада на восток составляет более 12 тысяч километров. Россия граничит с 16 странами, что на сегодняшний день составляет абсолютный мировой рекорд. Из 89 субъектов Российской Федерации 51 являются приграничными или прибрежными, более того, в состав Российской Федерации входит один эксклав – Калининградская область. Они занимают по площади 76,6% всей территории России, и в них проживает 43,1% населения страны. На приграничных территориях уровня местного самоуправления (338 районов и городов) проживает примерно 8% населения (12 миллионов человек), в то же время на приграничные территории приходится четверть площади России (около 4,4 млн. километров).

Итак, в конечном счете, степень привязки региональной экономики к мировому хозяйству определяет две крайние модели стратегии развития: внешне- и внутреннеориентированные. Внешнеориентированная модель, которую еще называют ассоциативной, то есть направленной на присоединение к мировому сообществу, основывается на использовании таких положительных эффектов, как расширение возможностей для комбинирования ресурсов, повышения конкурентоспособности и диверсификации продукции, уровня подготовки и квалификации трудовых ресурсов, использование внешней сферы для смягчения трудностей и для следования за лидером, использование внешнего спроса в условиях ограниченного внутреннего спроса на отечественную продукцию.

ВНУТРЕННИЕ ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ

1. Идущие в России сложные и противоречивые процессы реформирования всех сторон общественной жизни коренным образом меняют роль государства. В условиях радикального разгосударствления транспортной инфраструктуры, инфраструктуры жилищно-коммунального хозяйства следует говорить о «уходе» государства от ответственности за жизнеобеспечение населения. Экономическая часть территориального управления оказалась подверженной эрозии. Формально объектом территориального управления в производственной сфере должен быть народнохозяйственный комплекс региона в целом, и в

особенности те его звенья, которые являются общей основой и создают условия эффективного функционирования всех предприятий и организаций региона, а также производственно-хозяйственные организации, обеспечивающие выпуск продукции и оказание услуг, в основном, внутрирегионального потребления. В системе управления экономикой закрепляется определенный тип общественных отношений, основными из которых являются **отношения собственности**. Экономическая реализация территориальных форм отношений собственности требует создания адекватного механизма территориального управления. С отношениями собственности тесно связаны **интересы**. В развитии региона взаимодействуют интересы экономического центра, других регионов, предприятий, других звеньев экономики. Сегодня происходит утрата специфических социальных и экономических интересов для регионов как субъектов федерации. Именно территориальное управление должно стать механизмом реализации этих интересов. Однако в условиях третьего этапа приватизации и реформы инфраструктуры становится очевидным, что у государства в ближайшие годы просто не останется опорных точек управления территорией. Критерий экономической эффективности будет главным принципом в работе приватизированных отраслей жизнеобеспечения. Территориальное управление экономическим и социальным развитием в России имеет такую специфику, что относительно эффективно работает на уровне таких типов поселений как крупнейшие, крупные и частично средние города. Необходимо новый механизм регионального развития, фактически речь идет не даже не о коренной перестройке, а о создании новых механизмов регионального развития охватывающих все звенья и уровни территориальной организации общества.

2. Сложная пространственная структура российской экономики, традиционно сильная зависимость макроэкономической политики от ее реализации на местном уровне обуславливают важность разработки и осуществления региональной экономической политики. Региональные подсистемы России характеризуются менее высокой инерционностью, чем национальные системы, в результате общенациональные трансформации более пространственно дифференцированы, вызывая усложнение и дифференциацию экономического пространства. Изначальная неоднородность экономического пространства усиливается из-за множественности ареалов трансформации и разнонаправленности самих трансформаций. В результате быстрой передачи в регионы, как реальной ответственности, так и виртуальных полномочий, в стране сформировалось большое количество своеобразных моделей проведения рыночных реформ. *(Гранберг А.Г. Региональная политика в программах экономических реформ (уроки разработки и реализации)//Федерализм и региональная политика: проблемы России и зарубежный опыт. Вып. 1. Новосибирск, 1995. с. 13-14.)*

Очевидно, что масштаб региональных различий не сопоставим с большинством государств мира. Так по уровню урбанизированности территории перепад от практически нулевого (100% сельского населения в Усть-Ордынском Бурятском автономном округе) до максимального (100% городского населения в Москве); по площади территории (республика Саха и Северная Осетия-Алания отличаются в 388 раз); — по численности населения (сегодня Москва и Эвенкийский автономный округ отличаются по этому параметру в 443 раза, в 1996 г.— в 434 раза); — по уровню валового регионального продукта на душу населения (Тюменская область 12,5 т. долларов и Ингушетия 1,25 т. долларов) в 10 раз.

Еще один аспект проблемы связан с тем, что уровень экономического развития российских регионов резко различен даже на уровне международных сопоставлений. По расчетам Б. Болотина (ИМЭМО РАН) среднедушевой ВРП 10 регионов — лидеров составил в 2000 г. 9,20 тыс. дол. (ППС), что ставит их вровень лишь с высшим эшелонem развивающихся стран (Таиланд, Малайзия, Чили, Мексика, у которых 7-13 тыс. дол. на человека). Низшая десятка регионов РФ со среднедушевыми значениями ВРП 1,5-3,0 тыс. дол. скатилась до уровня Уганды, Кении, Бирмы, Непала и Филиппин. (*Болотин Б. Регионы России на мировом фоне//Год планеты-2001 М.2001 с.163*) Важно отметить, что эти контрасты нарастают.

3. Реформы естественных монополий и ЖКХ затронут, прежде всего, малые города и моногорода. Научно-методический центр «Города России» ИМЭИ при Минэкономике России при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в 1996–1997 гг. подготовил научный отчет (проект № 96-02-02-078), в котором в качестве малых кризисных городов было выделено 646 объектов. Фактическая приватизация естественных монополий разрушит последние механизмы «социальной защиты» для мелких и средних предприятий в моногородах и просто малых городах. В этих городах «свободная конкуренция» способна лишить его жителей традиционных мест приложения труда. Так, утвержденное Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 августа 1994 г. №1001 Приложение определяет градообразующее предприятие как предприятие, на котором занято не менее 30% от общего числа работающих на предприятиях города, либо имеющее на своем балансе объекты социально-коммунальной сферы и инженерной инфраструктуры, обслуживающие не менее 30% проживающих в населенном пункте. В то же время, в Федеральном законе от 8 января 1998 г. №6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» зафиксировано, что градообразующими признаются предприятия, численность работников которых с учетом членов их семей составляет не менее 50% численности населения соответствующего населенного пункта. Город можно называть монопрофильным, если присутствуют следующие признаки:

- наличие в городе одного или нескольких однотипных предприятий, относящихся к одной отрасли, или обслуживающих один узкий сегмент отраслевого рынка, при том, что остальные предприятия города обслуживают только внутренние нужды города или проживающих в нем людей;
- наличие в городе цепочки технологически связанных предприятий, работающих на один конечный рынок, кроме предприятий, обслуживающих внутренние нужды города;
- значительная зависимость доходной части бюджета города от деятельности одного (или нескольких) крупных предприятий;
- низкая диверсификация сфер занятости населения города (однородный профессиональный состав);
- значительная удаленность города от других, более крупных населенных пунктов (что снижает возможности мобильности жителей), при наличии в городе первых двух признаков или отсутствие развитой инфраструктуры, обеспечивающей связь города с внешним миром (дороги автомобильные и железные, телефонная сеть и т.д.).

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ

В представлениях о региональном эколого-экономическом мониторинге следует выделить два аспекта, каждый из которых обеспечивает часть «идентичности»:

- 1. Экономический;**
- 2. Пространственный;**

1. Экономический. Региональный эколого-культурный мониторинг требует наличия собственных показателей и соответствующей региональной инфраструктуры, нацеленной на его практическую реализацию. При этом исследование должно вестись одновременно в двух основных направлениях: «оценка степени отклонения природной среды от своего нормативного состояния и учет развитости собственно экологической культуры.» *(Дружинин А.Г. Эколого-культурный анализ территориальных систем. Ростов — на Дону 1991 с.53)* К этому можно добавить то, что экономические показатели достаточно легко определяемы. Для этого можно использовать базовые показатели Минэкономразвития.

Из традиционных показателей (21) вероятно сохраняют свое значение следующие:

- Объем промышленного производства — (П1)
- Темпы изменения объема промышленного производства — (П2)
- Объем розничного товарооборота — (П6)
- Экспорт продукции в дальнее и ближнее зарубежье — (П7)
- Обеспеченность региона автомобильными дорогами с твердым покрытием — (П11)
- Уровень жизни населения региона — (П13)
- Наличие природных запасов нефти и газа (углеводородных ресурсов) — (П14)
- Наличие природных запасов минерально-сырьевых ресурсов (кроме углеводородных) — (П15)
- Географическое положение региона по отношению к внешнеторговым выходам России — (П16)
- Уровень экологической загрязненности и дискомфорта климата в регионе — (П20)
- При этом значение ряда показателей представляется менее существенным:
- Уровень развития малого предпринимательства — (П3)
- Доля убыточных предприятий (П4)
- Суммарный объем внутренних инвестиционных ресурсов предприятий — (П5)
- Обеспеченность населения жильем — (П8)
- Обеспеченность населения легковыми автомобилями — (П9)
- Обеспеченность населения домашними телефонными аппаратами сети общего пользования — (П10)
- Доля малоимущего населения — (П17)
- Уровень преступности — (П18)
- Уровень безработицы — (П19)
- Отношение населения региона к процессам формирования рыночной экономики — (П21)

Вероятно, следует включить в расчетную базу ряд новых экономических показателей в частности:

1. Соответствие структуры экспортных поставок отраслевой структуре производства и межрайонного вывоза субъекта федерации, рассчитывая показатели удельного веса экспорта по отношению к производству района в целом.
2. Соответствие экспортной специализации района общероссийской.

По нашему мнению, сегодня наиболее сильным фактором формирования региональной идентичности является экономический. Именно территориальное разделение труда, формирование экономических рынков, торговля всех уровней и типов, свободное движение капитала, трудовых ресурсов и товаров, интересы хозяйствующих субъектов могут обеспечить экономическую заинтересованность территориальных элит в развитии регионализма.

2. Пространственный. Регион не является только географической категорией, то есть нельзя отождествлять понятия «регион» и «территория». Территориальная составляющая является существенной для любого региона, поскольку является базисом, как его формирования, так и его существования. Любой регион представляет собой территорию, но одного территориального компонента недостаточно для того, чтобы назвать территорию регионом. Необходимой предпосылкой формирования региона на определенной территории является наличие специфики экономического, этнографического, конфессионального, социально-культурного состава. Однако существует и психологический аспект проблемы. Для формирования региона мало иметь специфику, необходимо ее позиционировать. Появление региона связано с идейной и практической самоидентификацией определенной территориальной общности. По определению П. Бурдьё, социальное пространство – это «ансамбль невидимых связей, тех самых, что формируют пространство позиций, внешних по отношению друг к другу, определенных одни через другие, по их близости, соседству или по дистанции между ними, а также по относительной позиции: сверху, снизу или между, посередине» (Бурдьё П. *Начала. Choses dites*. М., 1994. с. 185). По словам Бурдьё, существует «пространство отношений, которое столь же реально, как географическое пространство» (Бурдьё П. *Социология политики*. М.: Socio-Logos, 1993. с. 60).

Таким образом, образование региона представляет собой абсолютное преобладание процессов автономизации и дезинтеграции социально-территориальных общностей различного уровня. Под субъектом авторы понимают минимальную единицу организованной социальной общности, существующую на определенной территории. Как правило, размеры, степень и характер самоидентификации такой общности не позволяет ей стать самостоятельной структурой, поэтому внешние связи для нее более существенны, чем внутренние. Примером территориальных субъектов, существующих в современном мире, могут быть муниципальные образования, различные административные районы или даже меньшие субъекты.

Территориальные субъекты обособляются от уже сложившихся структур взаимоотношения, которые по тем или иным причинам перестают удовлетворять их интересам. То есть в определенной степени происходит переориентация с внешних связей на внутренние.

В современных условиях, когда основной формой территориальной организации общества является государство, можно говорить о процессе обособления субъектов от сложившихся государственных структур, выражающееся в децентрализации власти внутри государства. Одновременно происходит процесс интеграции с другими или теми же субъектами на новой основе и создание новых структур «негосударственного образца». Объединение субъектов в регионы происходит по принципу «взаимного притяжения».

3. Эколого-культурный.

Факторами, обуславливающими притяжение региональных субъектов, являются:

- политические выгоды, получаемые от взаимного сотрудничества;
- необходимость объединения для достижения поставленных задач;
- идентичность, которая может выражаться в объединении по национальному признаку;
- общая история или ее ключевые элементы;
- географический фактор, на основе которого происходит объединение территориальных субъектов в регион.

В процессе производственной деятельности человек преобразует природную среду и в конечном счете оказывается в искусственной среде, сотворенной сознательными и бессознательными действиями многих поколений людей. Это — вторая природа, выступающая таким же внешним, объективным фактором социальной дифференциации территориальных общностей, как и климат, ландшафт, природные ископаемые.

Тип поселения — это в принципе тип искусственной среды, в которой формируется и живет индивид или группа. Основными типами поселения являются: крупные, средние, малые города, райцентры, села, рабочие поселки, деревни, хутора. Каждый тип поселения — это особая разновидность искусственной среды, порождающая разные возможности для социализации, для выбора работы, для создания новых производств, получения образования, удовлетворения духовных и физических потребностей. Главное следствие размеров населенного пункта — это масштаб и интенсивность социального взаимодействия, детерминируемого искусственно созданными, но уже независимо от людей существующими материальными структурами.

Индустриальное и постиндустриальные общества в своем развитии опираются прежде всего на крупные и средние населенные пункты. Порождаемый ими тип хозяйственной деятельности нуждается в больших скоплениях населения и интенсивном социальном обмене. Он требует развитой материальной инфраструктуры: автомобильных и железных дорог, линий метро, зданий, инженерных сетей, развитого коммунального хозяйства, развитой сферы услуг и т.д. Концентрация всего этого на относительно небольшой террито-

рии позволяет минимизировать издержки на транспорт и связь, что делает продукцию более конкурентоспособной (дешевле и качественнее). Кроме того, городская искусственная среда позволяет концентрировать на небольшом пространстве значительную и разнообразную рабочую силу, учреждения по ее переподготовке — эта гибкость повышает потенциал таких населенных пунктов в условиях постоянно меняющейся экономической конъюнктуры, колебаний спроса и предложения товаров, услуг, рабочей силы.

Большие города предоставляют наиболее благоприятную для социальной мобильности искусственную среду. Это привлекает в них новую рабочую силу в объемах, существенно превышающих спрос на нее, что позволяет организаторам духовного и материального производства отбирать наиболее подходящих работников (в одних случаях — наиболее квалифицированных, в других — самых сговорчивых, непривередливых, например, мигрантов). Это также существенно повышает конкурентоспособность таких центров.

Мелкие населенные пункты основываются обычно на слабо диверсифицированной или даже монокультурной (поселки лесозаготовителей, шахтеров, села и деревни) искусственной среде. Это превращает их в зоны повышенного социального риска: упадок данной отрасли ставит в безвыходное положение жителей этих населенных пунктов. В условиях относительно стабильной и прогнозируемой ситуации в обществе государственно-монополистического социализма мелкие населенные пункты не сталкивались с серьезными и резкими изменениями своего статуса (исключая переломную эпоху, например, коллективизации, или изменение положения села или деревни в результате появления рядом с ней очередной гигантской стройки). В условиях рыночной экономики частые изменения конъюнктуры рынка резко меняют статус населенного пункта. Кризис данной отрасли ведет к сокращению занятости в ней, соответственно — к росту безработицы в монокультурном поселке или городе, что означает минимум перспектив на новые рабочие места, к падению цен на жилье, что сводит к минимуму возможности продажи здесь жилья с целью приобретения нового в экономически процветающих городах. В условиях постсоветской России эта проблема особенно остро встала в поселках шахтеров и лесозаготовителей, в селах и деревнях.

Наибольшей монокультурностью и соответственно — минимальными возможностями для вертикальной восходящей мобильности отличаются сельские населенные пункты и рабочие поселки добывающей промышленности. Поэтому главный социальный водораздел в социально-поселенческой структуре проходит между городом и деревней. Маргинальное положение в городской группе занимают монокультурные рабочие поселки, находящиеся по своим социально-экономическим условиям на стыке города и деревни, аккумулирующие негативные черты статуса как городской, так и сельской социальной

общностей. Еще в 1956 году американский социолог Говард Беккер дал описание нарастания духовной энтропии в сельских обществах, где потеря культуры приводит к постепенному разрушению норм и «каждое последующее поколение обладает меньшим количеством технических, экспрессивных и контрольных возможностей культуры предков, чем его предшественники, и в результате образуется бесформенная расплывающаяся масса созданий, чье поведение почти не поддается предсказанию даже для них самих, если только оно не выражено в весьма смутных общих выражениях» (Беккер Г. *Современная теория священного и светского и ее развитие*. — В кн.: Беккер Г., Босков А. *Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении*. М. 1961, стр. 201 — 203, 205.) Подобный химерообразный социум соответственно влияет и на природу. Преобразованная природная среда существенно меняет свои параметры. В результате одним из важнейших индикаторов территориального социального статуса выступает **состояние природной среды**. По мере роста экологической культуры населения, уровня его образованности и расширения доступа населения к информации о состоянии экологии возрастает роль этого индикатора.

Под региональной идентификацией мы понимаем постоянное измерение его характеристик бытия, которое проявляется, как территориально-пространственная дифференциация, а с другой — как изменение характера связей человека и ландшафта. В системе современной региональной идентификации действуют две тенденции, влияющие на его конфигурацию и нередко порождающие конфликтные ситуации. Одна — тенденция универсализации социальных процессов; следствием её действия становится формирование нейтральных в отношении территориально-пространственного деления общества форм социальной организации, когда осуществляется укрупнение территориально-пространственных единиц (соединение нескольких более мелких в одно более крупное), полное или частичное «растворение» границ мелких территориально-пространственных единиц с передачей их функций утверждающимся на их основе более крупным единицам. Другая тенденция, преобладающая в современной России, — автономизации экономических и социальных процессов, связанная с фактическим распадом традиционной экономики. Сегодня в России стремление к автономии свойственно прежде всего не этническим или не (этно-конфессиональным) сообществам. В современной России региональная идентичность, это намерение утвердить свои новые формы социально-экономической самоорганизации. При этом новые формы могут означать возврат к традиционным типам хозяйствования. Накопленные в предыдущий период структурные деформации (гипертрофированное развитие отраслей градообразующей сферы, отставание градообслуживающих отраслей, не комплексное социально-экономическое развитие городского

хозяйства и т.д.) в сочетании с трудностями перехода к рыночным основам хозяйствования требуют поиска новой модели экономического развития. Для городов с историческим прошлым и не только для них, это означает поиск изначальной идентичности т. е. той организации которая кормила населенный пункт до строительства «Завода.....». «Северсталь» г. Мордашова в этом контексте является примером вымирающего экономического ландшафта советского типа. ВТО убьет этот псевдорентабельный бизнес индустриального типа не соответствующий культурным и экологическим параметрам территории. Фактор усредненного расстояния между углями Воркуты и рудой Кольского полуострова соответствовал советской размещенческой практике. Однако ландшафтно-культурной специализации Вологды-Череповца этот вид хозяйственной деятельности не соответствует. Масло, народные промыслы, и ЛПК способны обеспечить большую устойчивость району. Тип экономического микрорайона, функциональная характеристика отражающая показатели идентичности, узловая характеристика района являются базовыми параметрами оценки экономических ландшафтов.

***

Результаты и прогноз действия «слепой игры рыночных сил» по Северо-Западному федеральному округу на основе данных Минэкономразвития выглядит следующим образом. Общей тенденцией периода 1998-2000 гг. следует считать увеличение дифференциации регионов по уровню социально-экономического развития. Вместе с тем, существуют территории, объединенные новой управленческой структурой, и демонстрирующие тенденцию к интеграции экономических показателей. Это в полной мере относится к Северо-Западному федеральному округу. *(группировка и оформление данных авторское).*

Место в рейтинге 2000 года	Территории	Период	Валовой региональный продукт (с учетом уровня покупательной способности) на душу населения (тыс.руб.)	Объем инвестиций в основной капитал на душу населения (тыс.руб.)	Объем внешнеторгового оборота (суммарного объема экспорта и импорта) на душу населения (долл. США)	Основные фонды отраслей экономики (по полной балансовой стоимости, с учетом степени удорожания капитальных затрат) на душу населения (тыс.руб.)	Коэффициент плотности автомобильных дорог (коэф.Энгеля)
	Среднероссийское значение	1998	16.6	2.7	678.6	38.1	10.7
		1999	28.5	4.6	606.4	39.0	10.8
		2000	41.9	7.9	665.0	42.7	11.0
Прогноз		2003	56,27	14,21	885,5	37,5	12,0
2	г. Санкт-Петербург	1998	14.6	3.0	1101.7	91.6	55.6
		1999	24.5	6.9	966.9	94.7	57.5
		2000	35.4	7.6	1088.3	108.5	57.9
Прогноз		2003	56.38	17.30	1 539.23	66.6	58.2
11	Калининградская область	1998	9.9	1.1	1504.0	61.4	56.9
		1999	18.9	2.4	1101.9	72.2	56.8
		2000	27.1	5.1	1419.4	86.8	56.8
Прогноз		2003	38.77	7.10	742.47	53.2	38.4
16	Вологодская область	1998	17.4	2.6	1271.3	48.0	24.5
		1999	32.7	4.6	938.0	43.6	26.4
		2000	58.9	6.4	1266.7	46.2	27.0
21	Мурманская область	1998	15.6	1.8	972.5	73.0	6.5
		1999	32.3	5.7	863.9	76.1	6.6
		2000	45.0	8.7	1206.2	80.1	6.6
Прогноз		2003	74.35	21.00	2 207.54	93.3	9.4
23	Новгородская область	1998	13.5	2.5	575.3	84.7	38.6
		1999	22.9	5.5	509.8	84.3	39.7
		2000	30.4	6.9	488.1	87.0	41.0
прогноз		2003	46.00	12.95	831.85	36.5	42.4
27	Республика Коми	1998	22.2	3.7	620.8	80.6	6.9
		1999	42.1	5.8	701.7	88.9	7.1
		2000	46.3	13.7	760.1	91.2	7.7
		2003	85.33	24.11	772.46	96.1	7.3
28	Республика Карелия	1998	11.3	1.6	754.4	59.6	17.5
		1999	22.3	3.7	738.6	58.7	15.9
		2000	33.8	8.4	1019.9	61.0	16.3
прогноз		2003	46.17	11.38	1 330.16	65.0	18.9
31	Ленинградская область	1998	12.1	3.1	1057.6	112.5	27.5
		1999	23.3	7.5	888.3	117.6	27.5
		2000	30.9	11.8	1541.4	119.7	27.9
прогноз		2003	29.10	22.52	670.89	114.4	29.3
43	Ненецкий автономный округ	1998	23.9	9.0	3131.0	75.2	1.1
		1999	65.5	9.6	5397.8	43.6	1.1
		2000	98.6	59.0	7472.3	56.2	1.1
прогноз		2003	163.83	33.40	6 817.09	72.6	2.5
51	Псковская область	1998	9.1	1.2	174.5	86.4	47.1
		1999	15.8	1.8	165.0	100.9	46.9
		2000	23.6	2.7	222.7	103.9	47.7
прогноз		2003	15.58	5.16	249.91	64.6	50.9
57	Архангельская область	1998	12.2	1.3	369.1	58.5	9.0
		1999	19.8	2.8	384.4	57.0	9.2
		2000	33.3	4.6	576.8	56.6	9.2
прогноз		2003	45.88	10.93	681.05	62.6	9.9

Закономерный вопрос связан с масштабом территориального подхода. В условиях РФ деление на субъекты федерации не может быть признано оптимальным для целей данного исследования. Следует обратиться к исследованиям ИГАН СССР связанными с экономическим районированием. Экономическим микрорайонированием ИГАН СССР было охвачено 94% территории РСФСР и выделен 481 экономический микрорайон. (См. *ЦНИИПГРАД ГОСГРАЖДАНСТРОЯ Руководство по районированию территории для целей районной планировки М. 1978*) Экономическое микрорайонирование ИГАН СССР является примером детализированного подхода к территориальному управлению региональной экономикой. По схеме данного районирования на Северо-Западе выделено 54 экономических микрорайона которые приближены к местным самоуправлениям 2000—2001 гг. и соответственно обладают статистической, расчетной базой. Данный территориальный разрез является наиболее перспективным для эколого-экономического мониторинга Северо-запада России. При этом следует учитывать то, что традиционная классификация фиксирует лишь классическую индустриальную экономику и не принимает во внимание эколого-экономические факторы. С другой стороны научно-методическим центром «Города России» ИМЭИ при Минэкономике России при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в 1996-1997 гг. в научном отчете (проект № 96-02-02-078), указано, что на 1.01.1996 г. в России было 2022 поселка городского типа и 635 малых городов. Существуют и иные оценки, однако в любом случае так в России насчитывается от 635 до 750 малых городов с численностью населения до 50 тысяч жителей – т. е. это 75% всех действующих муниципальных образований страны.

Оптимальная форма реализации основного этапа проекта могла бы заключаться в полевых исследованиях на Северо-Западе России.